

¹⁶ См.: Кошелев В. А. «Таврида» Пушкина и «Таврида» Батюшкова // Пушкин и Крым: Тез. докл. науч. конференции Симферополь, 1989. С. 53—55.

¹⁷ Батюшков К. Н. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 164.

¹⁸ См.: Фомичев С. И. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 832... С. 227, 229.

¹⁹ В последнее время С. А. Фомичев, без какой-либо аргументации, предположил, что «16 авг.» относится к «1824 (?)» году (Пушкин А. С. Рабочие тетради: [В 8 т.]. СПб.; Лондон, 1999. Т. 1. С. 81).

²⁰ Томашевский Б. В. «Таврида» Пушкина. С. 107.

²¹ Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 834: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 15. СПб., 1995. С. 203.

²² Там же.

²³ См.: Кошелев В. А. В предчувствии Пушкина: К. Н. Батюшков в русской словесности начала XIX века. Псков, 1995. С. 97—101.

Л. А. Орехова

(Симферополь, Украина)

КРЫМ 1820 ГОДА. СЦЕНЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Представляем фрагмент архивных разысканий о жизни Таврической губернии в год посещения ее А. С. Пушкиным. Архивные документы красноречиво и убедительно характеризуют эпоху. Встретившееся нам в Крымском государственном архиве дело о скандале в Алешковском уездном училище не могло не поразить колоритностью сцен, а главное — это не выдуманная история, которая, собственно, ничего не значит в сравнении с историческими катаклизмами двух столетий. И все же стало жаль, что никто никогда не узнает имен уездных учителей из забытого миром Алешек. Люди жили своими заботами, переносили невзгоды, болезни, разочарования. Они были современниками и ровесниками Пушкина, а вся их жизнь — пушкинская современность. Одна деталь: история, о которой мы сейчас расскажем, произошла в 1819 г., т. е. за год до приезда А. С. Пушкина в Крым. А что могло измениться к 1820-му?

Итак, Алешки 1819 года...

«От Херсона до Перекопа ведут две почтовые дороги: одна через Берислав, другая через Алешки. Последняя сокращает 30 верст, но имеет станцию, полную песка <...>. Алешки, входя в состав Таврической губернии, являются центром Днепровского уезда. Это место славится своей почвой, на которой хорошо растут овощи, особенно арбузы необыкновенной величины»¹.

В 1820 г., когда Пушкин путешествовал по Крыму, Таврическая губерния имела гимназию (с 1812 г.) и уездное училище (с 1809 г.) в Симферополе, уездные училища в Феодосии (с 1811 г.), Орехове и Алешках (с 1812 г.), Евпатории (с 1815 г.). Директором училищ губернии был 53-летний Федор Петрович Заставский, из духовного звания,

определившийся в учительскую должность еще в 1788 г.² Имелись в Крыму и приходские школы³, которые, впрочем, открывались с трудом. Так, в Бахчисарае, где население состояло в основном из магометан, приходское училище на средства городской думы стараниями полицмейстера Ананича открылось наконец в 1812 г., но и в 1820-м в нем обучалось всего 13 детей от 6 до 16 лет, в большинстве — из иностранных мещан (ед. хр. 115, л. 2). Между тем один из крымских жителей писал (не позднее 1812 г.) попечителю Харьковского учебного округа гр. С. О. Потоцкому о том, что города Карасубазар и Бахчисарай, «хотя и безуездные, по числу и роду жителей своих гораздо настоятельнее требуют училищ, нежели мнимые города Орехоф и Алешки, которые, хоть и с уездами, но едва имеют вид добрых сел и состоят почти вовсе из поселян»⁴.

Алешки (Олешки) действительно возникли лишь в 1784 г., как предполагается, на месте древнерусского поселения Олешня (Олешье), разоренного монголо-татарами в XII в. Когда-то через него проходил торговый путь «из Руси в Греки», то есть к византийскому Херсону (Херсонесу); в 1711—1734 гг. здесь находилась Олешковская Сечь⁵. Алешкам присваивалось название города Днепровска, но не привилось, они так и остались Алешками.

Обучение в уездном училище укладывалось в два года, но, как и большинство уездных училищ, Алешковское (в архивных документах именно так, а не Алешкинское) имело к тому же «приуготовительное», или «нижнее», отделение, где проходили русскую грамоту, 4 действия арифметики, Закон Божий, то есть, по существу, — одногодичную программу приходской школы. Уставом 1804 г., сохранявшим просветительские традиции екатерининских времен, предусматривалось, что приходские школы готовили для поступления в уездное училище, а те, в свою очередь, — для поступления в гимназию, где учились еще 4 года. Таким образом, общий курс среднего образования определялся преемственностью и составлял 7 лет, но редкий ученик, по условиям жизни, мог пройти его полностью. Впрочем, ограниченный по сословному и половому признаку не устанавливалось. Так, в Алешковском училище среди 18 учащихся нижнего отделения было 3 девочки: две из поселян и дочь статского советника Петра Беляева Вера. Во втором классе училось 5 мальчиков, из них поселяне — одиннадцатилетний Алексей Назаров и Яков Лютенко, 12 лет (Ед. хр. 111, л. 6, 9 об.)⁶.

Программа уездных училищ была достаточно широкой и, в соответствии с циркуляром Департамента народного просвещения от 5 июня 1819 г., включала в себя 13 предметов (причем «по излишеству» циркуляром исключались естественная история и технология): пространный катехизис, Священное Писание, российская грамматика (а в тех губерниях, где в употреблении другой язык, сверх грамматики российской, грамматика местного языка), чистописание, правописание, правила слога, краткая всеобщая география, краткая всеобщая история, краткая российская история, арифметика, начальные правила

геометрии, первые начала физики, рисование (Ед. хр. 110, л. 16). Программа, как видим, требовала серьезного напряжения от учащихся и разносторонней подготовки от учителя. Учебных пособий явно не хватало. Достаточно сказать, что в 1820 г. в «неподвижной библиотеке» Алешковского училища насчитывалось всего 60 книг. В 1821 г. в библиотеку поступило 4 номера «Журнала Департамента народного просвещения», 2 экземпляра наставлений о тушении пожара и 1 экземпляр правил общежития (Ед. хр. 119, л. 18, 58, 92).

По штату в уездном училище полагалось три учителя, но порой вакансии оставались незаполненными из-за мизерного учительского жалования. 23 ноября 1820 г. исполняющий должность смотрителя Алешковского училища М. Адамович в рапорте директору Таврических училищ Ф. П. Заставскому докладывал о положении учителей: «Обязанностью считаю Вашему высокоблагородию донести, что состояние учителей при Алешковском училище заслуживает сожаления. Кроме жалования, никакой посторонней нет помощи, и сколько учителя ни стараются ревностно отправлять свою должность, но никто не обращает на сие никакого внимания <...> Обыватели весьма равнодушны к тому, чтобы заботиться об образовании детей своих. Жалование, по штату получаемое, мало в отношении ко всегдашней дороговизне <...> Пропитание одному человеку невозможно <...> Удвоение учителям жалования разве только могло бы быть достаточно для весьма ограниченного содержания» (Ед. хр. 111, л. 23). С рапортом посылались прошения учителей Калиновского и Жукова⁷ об удвоении жалования. А через два дня, 25 ноября, Адамович составляет новый рапорт Заставскому о «нехождении в класс» учителя Калиновского и при этом свидетельствует, что, навестив Калиновского, «нашел его действительно босым и нагим». В приложенном рапорте учителя Калиновского разъяснялось: «Нехождение мое в класс от 15 числа сего месяца происходило по таким причинам. <...> В квартире не имею теперь уже куска хлеба, в теперешнее зимнее время дров для отопки. <...> Я так обнищался, что нет мне возможности без жалования показаться в класс...» (Там же, л. 29). В ответ на это Ф. П. Заставский написал (29 ноября 1820 г.) «прошения Калиновского и Жукова возвратить и объявить, что удвоение жалования <...> никто, кроме высочайшей власти, переменить не может» (Там же, л. 25).

Нельзя сказать, что «высочайшие власти» не знали о положении учителей. Попечитель Харьковского учебного округа гр. С. О. Потоцкий докладывал министру народного просвещения кн. Голицыну: «Учителя, при многотрудной и изнурительной должности, не получая ни от правительства, ни от частных людей достаточных средств к содержанию себя и семейства, должны наконец возненавидеть носимое ими звание и искать случая перейти в другой род службы»⁸. А. Н. Голицын понимал положение. «Чего можно ожидать от людей, находящихся в столь бедственном положении? — писал он. — В случаях смерти учителей в народных училищах, по пространству империи рассеянных, нет возможности замещать их. Никто не избирает добро-

вольно сего рода службы; все стремятся к другим, выгоднейшим и более уважаемым»⁹. Но еще очень долго дело не менялось к лучшему¹⁰.

В маленьком уездном городке Алешки, где жители знают друг друга, а проезжие останавливаются лишь на несколько часов по пути из России в Таврию или обратно, редко появляются новые люди, а уездные страсти кипят вокруг частных отношений. Годами копятся неприязнь и обиды, накладываясь одна на другую. Замкнуты люди на этом пространстве, из которого никому нет выхода.

Вот история, достойная гоголевского пера, разыгравшаяся в Алешках весной — осенью 1819 г. Действующие лица этой истории: уже знакомые нам учителя Алешковского уездного училища Адамович, Калиновский, смотритель училища Равич, ученик Трегубов, алешковский священник Шкуропатский, городничий Жуков; из начальства — директор училищ Таврической губернии Ф. П. Заставский, вице-губернатор Крыма Н. И. Перовский. По ходу дела появляются «свидетели» из местных жителей разного звания и поселян. Действие разворачивается в единственной в Алешках церкви 23 марта 1819 г., когда священник Шкуропатский, разгневанный «недостойным поведением» учителя Адамовича, потребовал изгнать его из церкви. Обо всем этом узнаем из сохранившихся документов, и они лучше всякого пересказа воспроизведут картину времени.

*Штатному смотрителю Алешковско-
го уездного училища и кавалеру Александру
Григорьевичу Равичу учителя Михаила
Адамовича прошение от 23 марта 1819 г.*

«Из дела, начатого несправедливо против меня, священника гор. Алешек, Прокофием Шкуропатским Вашему благородию известно, что он имеет ко мне сильное неудовольствие и что в поводу сего питает ко мне даже злобу и во время совершаемого им в церкви священнодействия он, Шкуропатский, сие сегодняшнего числа 23 марта обнаружил на литургии. Когда по окончании священнослужения проговорил священник Шкуропатский обычную отпускную молитву, то, остановясь на царских вратах во всем облачении, закричал с видом, изображающим гнев и злобу, к стоявшему близ меня исправляющему должность уездного стряпчего коллежскому регистратору Зервину сии слова: „Господин стряпчий, извольте донести о поступках в церкви Адамовича кому следует, а не то сам донесу!“ Последние слова выговорил, затворяя врата. Таким нечаянным и азартным криком привел в волнение и даже содрогание меня и весь предстоящий народ. Быв ни малейше невинен относительно выговоренных на меня Шкуропатским слов и чувствуя себя совершенно обиженным <...>, я тотчас подал к исправляющему должность стряпчему Зервину письменный отзыв и просил его, по небытности в церкви полицейского чиновника, сделать по сему свое распоряжение, на что и получил от него отзыв, что он потребовал сего числа от градской полиции немедленного ис-

следования и что о сем доносит теперь же своему начальству. Так как всякий поступок в церкви заключает в себе, по Высочайшим постановлениям, большую важность, то я и не сомневаюсь, что с поводу донесения стряпчего и с поводу жалобы, занесенной мною на священника Шкуропатского здешнему протоиерею и благочинному Шокотко, будет наряжено следствие и произведется дело законным порядком, а потому, Ваше благородие, покорнейше прошу обо всем здесь мной прописанном довести до сведения Высшего начальства и исходатайствовать мне в невинности моей защиту, тем более что Высшему начальству известны неудовольствие и злоба ко мне священника Шкуропатского за отобрание мною от него ученика Трегубова по просьбе отца; также испросить разрешения, можно ли мне, по занимаемому мною званию, писаться чиновником 12-го класса в делах <...>.

Алешковского уездного училища исторических предметов учитель Михайло Адамович» (Ед. хр. 99, л. 3—4).

Из рапорта смотрителя Алешковского уездного училища А. Г. Равича директору Таврических училищ надворному советнику Ф. П. Заставскому от 25 марта 1819 г. № 46.

«Обязанностью считаю донести до сведения, что весь народ, бывший в церкви 23-го числа единогласно и даже с сожалением говорит, что священник Шкуропатский совершенно напрасно обидел в церкви Адамовича и все свидетельствуют, что он, как в то время, так и прежде всегда стоит в церкви с благочинием большим, нежели многие другие, да и с моей стороны свидетельствую, что, бывая в церкви, всегда видал Адамовича с таким благоговением стоящего, которое может служить примером для всякого христианина и что Шкуропатский совершенно по злобе и мщению обидел его. <...> Он всегда чинил пасквили. <...> А потому покорнейше прошу Вашего высокоблагородия защитить обиженного невинно чиновника <...>. Сверх всего Шкуропатский сказал мне, что якобы Адамович ложно подписывается на бумагах к гражданскому правительству 12-м классом. <...> Адамович действительно может писаться 12-го класса учителем, основываясь на 88-ом параграфе Устава учебных заведений <...>. Адамович выслужил уже трилетие в учительском звании <и> удерживает за собой занимаемый им ранг...» (Там же, л. 2).

А. Г. Равич — Ф. П. Заставскому 12 апреля 1819 г. № 54.

«Алешковская градская полиция сообщением ко мне от 11 апреля за № 444 извещает меня об оконченном следствии о поступках, наведенных в церкви на учителя Адамовича, с депутатом со стороны духовной и о препровождении оногo в губернское правительство по исполнительной дистанции <и> требует до решения дела иметь учителя Адамовича в ведении и не выпускать никуда из города...» (Там же, л. 8).

*Вице-губернатор Таврии, кавалер
Н. И. Перовский — Ф. П. Заставскому
5 мая 1819 г. № 2042.*

«Милостивый государь Федор Петрович! Алешковский городничий и кавалер Жуков жалуются на беспрестанные притеснения в своих по городу распоряжениях от некоторых городских жителей, в том числе от уездного учителя Адамовича и смотрителя Равича, пославшего к Вам, милостивый государь мой, рапорт об ученике Трегубове с помещением обидных для сего господина выражений. Г-н Жуков известен мне как чиновник, строго исполняющий обязанность свою, что и побуждает меня просить <...> о принятии каких-либо решительных мер к водворению там спокойствия. Я писал уже к начальствующему внутренней страже об удалении поручика Полчинского; казалось бы весьма полезным то же сделать и с учителем Адамовичем, ибо от дальнейшего их там пребывания можно ожидать только затруднительных и неприятных Вам... переписок» (Там же, л. 8).

*Копия рапорта городничего Жукова к
исправляющему должность Таврического
гражданского губернатора Н. И. Перовскому
от 3 мая 1819 г. № 584.*

«Алешковского уездного училища учитель Юрий Калиновский доставил священнику Шкуропатскому, а сей Шкуропатский представил мне в подлиннике черный (черновой. — Л. О.) рапорт сочинения учителя того же училища Михайла Адамовича от имени смотрителя оно же училища поручика Равича, писаного г-ном Равичем к директору училищ Таврической губернии надворному советнику Заставскому по делу о сделанном учителем Адамовичем ученику его класса сыну дворянина Трегубова, Андрею Трегубову, вовсе не соответственного благородному детищу наказания. Сей черный рапорт, писанный к директору училищ, был сочинен в квартире вышеписаного учителя Калиновского (как он объявил мне), который, видя накопление слов грубых и дерзких, касающихся более к чести моей, позабытый (рапорт) <...> представил, как выше значится, к священнику Шкуропатскому, а Шкуропатский мне на мое рассмотрение о таковом меня оклеветании. <...> Я же, находя себя совершенно в таковых дерзостях ни в чем не виновным, и дабы не быть и подлинно перед начальством оклеветанным честию, представил при сем с вышеписанного рапорта точную копию. <...> Прошу Вашего Высочородия <...> за таковые и вовсе небывалые оклеветания <...> как с ним, Равичем, так и с учителем Адамовичем <...> поступить по законам и о том снабдить меня <...> предписанием, что-де в продолжение службы Его Императорскому Величеству нигде и никогда угнетателем и зломышленником не был, в том с прохождения моего в чины <...> аттестатов копии, засвидетельствованные Днепровским уездным судом, всего числом семь, представляемые при сем, доказать могут...» (Там же, л. 29).

Из копии «черного» рапорта смотрителя Равича к директору училищ.

«Священник Алешковский Прокопий Шкуроатовский <...> имеет с Адамовичем личные неудовольствия, взяв квартирующего у него ученика нашего училища, порученного отцом в особый надзор Адамовича, наказанного с общего всех учителей согласия и моего за большие шалости и худое поведение. <...> Отец знал, что сын его, точно, склонен к большим шалостям, просил меня и вместе всех учителей обходиться с ним не по училищным правилам, но именно наказывать лозою, ибо без сего он, по взрослым уже летам своим, может что-нибудь построить такое, что совершенно соблазнит малолетних детей. <...> Ученик сей, сверх многих других шалостей, отбил замок в училище и разломал его; сверх сего 11-го числа сего месяца уворовал у сторожа ситечко для сечения табаку, носил по классу при всех учениках <и> сеял по классу <...>. Я, тотчас созвав учителей, приказал наказать розгою семью ударами <...> Священник Шкуропатский, злобствуя против Адамовича, тотчас мимо меня повел ученика в полицию, зная, что городничий вовсе к нам нерасположен <...> освидетельствовать <...> Шкуропатский, встретившись со мною в доме экспедитора Куплярского, кричал на меня и грозил всех отдать под суд. <...> Сверх сего ученик Трегубов сделал перед учениками большой соблазн, рассказывая при мужском и женском поле, что он, пришед в квартиру свою, застал священника Шкуропатского с какою-то майоршею наедине в самом худом положении, за что отец одного Трегубова, узнав о сем, просил меня наказать его надлежаще <...>. Но ученик Трегубов, квартируя в доме Шкуропатского и видя худой пример в поступках <...> день ото дня совершенно развращался, что уже не было иного средства исправить его, как только телесным наказанием, о чем со слезами просил меня отец его в присутствии же одного Шкуропатского, на что Адамович от отца его имеет у себя письменные просьбы...» (Там же, л. 23 об.).

12 мая 1819 г. Ф. П. Заставский почтительно отвечает Н. И. Перовскому, что в скорейшем времени разберется в этой истории (Там же, л. 10), а 14 мая пишет смотрителю Равичу письмо практически теми же словами, какими писал Перовский: те же убеждения удалить Адамовича из города, тем более что городничий Жуков «известен г. вице-губернатору как чиновник, строго исполняющий обязанность свою» (Там же, л. 11). 15 мая Заставский получает от профессора Харьковского университета Успенского запрос, «в чем именно смотритель Алешковского училища Равич и учитель Адамович препятствуют тамошнему городничему в отправлении его должности и в чем состоит ябедничество учителя Адамовича от 5 июня 1819 г.?» (Там же, л. 14). Разумеется, на харьковский запрос был составлен длинный исчерпывающий ответ и послан соответствующий запрос Равичу.

*Из ответа смотрителя А. Г. Равича
Ф. П. Заставскому от 31 мая 1819 г.*

«Я вовсе не знаю и не вижу, какие г-н городничий Жуков разумеет притеснения. <...> Я отклонил влияние городничего на распоряжения по училищу, к чему он сильное имел стремление. Напрасно и несправедливо г-н городничий описывает перед начальством и учителя Адамовича, который, кроме же честного занятия по должности, уклоняется от всего. Конечно, это для Жукова малозначашее и ничтожное, потому что он не имеет детей, и по ненависти, что Адамович не уничивается перед его прихотями, городничий покушается на честь чиновника. <...> Все несогласия, раздоры и заведенные по городу дела происходят от беспрестанных затей городничего Жукова, что даже начальствующий внутренней стражей г-н генерал-майор фон Дистерю на отзыв г-на вице-губернатора ответствовал, что городничий Жуков есть настоящая причина всех расстройств в городе и возвращение спокойствия может последовать только через удаление Жукова, как известного ему, г-ну генералу, по беспокойному своему нраву. <...> Что же касается до желания г-на вице-губернатора об удалении Адамовича, то я долгом поставляю <...> довести до сведения, что польза, происходящая от ревностных трудов и занятий по должности Адамовича, гораздо в виду общества значительнее строгого исполнения обязанностей городничего Жукова и что затруднительных переписок вашему высокоблагородию и г-ну вице-губернатору никаких не может быть, разве по поводу подобных неосновательных жалоб городничего Жукова, который готов всех чиновников, не следующих его прихотям, удалить из города» (Там же, л.13 об.).

Наконец, в бумагах появляется копия решения исполнительной экспедиции по делу Адамовича—Шкурюпатского. Отсюда следует, что стряпчий Зервин подтвердил, что священник Шкурюпатский «из личного к Адамовичу неудовольствия кричал в церкви», будто «учитель Адамович стоял посреди церкви, отставив ногу вперед». Адамович отвечал на вопрос протоиерея Шокотко, что всегда «стоит в церкви с подобающим священному месту приличием». Другие свидетели: поручик Яковлев, канцелярист Андрей Руков, диакон Филипп Соколовский, поселяне Тимофей Терлецкий, Алексей Гончаров, Максим Бойко, Данило Бойко, коллежский регистратор Андрей Титаренко — показали, что они «никаких противузаконных якобы поступков учителя Адамовича не заметили». Решение таково: «взведенное преступление» (т. е. обвинение) на учителя Адамовича «несправедливо, в чем удостоверяют и все свидетельские показания» (Там же, л. 26—28).

Казалось бы — конец истории?

23 сентября 1819 г. М. Адамович посылает рапорт Ф. П. Заставскому:

«Сего сентября 19-го дня в пять часов вечера, по захождении уже солнца, города Алешек городничий Жуков прислал в отсутствие мое в

мою квартиру солдат с каким-то другим человеком, чтобы взять в полицию квартирующего у меня ученика моего Трегубова. Сей, будучи приходом их испуган, не хотел без меня идти, но был солдатом схвачен насильно поперек и поволочен без шапки прямо к полиции. Я, идучи с протоиереем Шокотком другою улицею близ самой полиции, слыша крик и увидев ученика моего, таскаемого солдатом без шапки, подбежал к нему и, узнав от солдата, что он Трегубова тянет в полицию по велению городничего, приостановил солдата и, отняв ученика, велел как тому, так и другому идти в свое место. <...> На другой день <я> послал в градскую полицию отношение, каким просил известить меня, какое ученик Трегубов учинил преступление, требующее такого над ним насилия, через которое он с испугу впал даже в болезнь. <...> Отец одного Трегубова, помещик Херсонской губернии, по отдаленности жилищем от Алешек поручивши мне, как отцу, своего сына, узнав о происшествии над ним, может на меня безвинно иметь претензии и жалобы» (Там же, л. 30).

Выведенный из себя вице-губернатор Н. И. Перовский ответил Ф. П. Заставскому 10 октября 1819 г.: «Прежде, нежели могу приступить к какому-либо разрешению бумаг, заключающих, как видно, только личности Алешковского городничего и беспокойного учителя Адамовича, я нашел необходимым узнать подробнее обстоятельства, по коим был призываем в полицию ученик Трегубов и требую тепер же этих сведений...» (Там же, л. 31).

И вновь рапорт Адамовича Заставскому (л. 32), в котором учитель предлагает в свидетели протоиерея Шокотку и к которому прилагает копию своего отношения в Алешковскую полицию (от 20 сентября), по словам городничего, содержащего «грубости и неделности» (Там же, л. 32 об.).

19 ноября Перовский пишет Заставскому, что «жалоба учителя Адамовича за взятие под стражу ученика Трегубова неосновательна и что сам Адамович за утайку писем протоиерея Шкуропатского и за прочие поступки, званию его совершенно неприличные, должен быть строго оштрафован»: «Последняя жалоба его на городничего Жукова, его же обвиняющая, заставляет меня <...> заботиться о перемещении г-на Адамовича из Алешек в другое училище» (Там же, л. 38 об.).

И городничий Жуков, и учитель Адамович остались на своих местах. А рядом с «делом» Адамовича на столе директора Таврических училищ появилось разбухающее на глазах «дело» алешковского учителя Калиновского, в котором были уже другие действующие лица, из тех же Алешек. Нужно ли рассказывать?

Зимой 1823 г. Ф. Ф. Вигель, знакомый Пушкина по «Арзамасу», бывший в те годы керченским градоначальником, по пути из Херсона в Крым остановился в Алешках в доме зажиточного татарина. Была уже ночь, когда к нему пожаловал местный городничий и объявил, что «счел долгом навестить приезжего товарища». Вигель «удивился и чуть ли не обиделся, когда он прибавил: „Ведь вы там у себя, а мы здесь у себя градоначальники“». «Служить в Новороссийском крае и

не знать разницы между званиями градоначальника и городничего, это уже становилось забавно, — объяснял Вигель. — Очень заметно было, что он дачочный, безграмотный солдат, во время войны вышедший в офицеры и по праву раненого получивший место. Несколько времени потешался я необыкновенным его невежеством, но наконец соскучился, без церемонии сказал, что хочу спать и попросил любезного собрата оставить меня»¹¹.

Имени незадачливого «собрата» Ф. Ф. Вигель так и не узнал, хотя сожалел об этом: «стоило бы об имени его спросить и его не запомнить». Нам, однако, ясно, что это был один из героев рассказанной здесь истории городничий Жуков.

...В июне 1837 г. дирекция училищ Таврической губернии получила из канцелярии губернатора 10 подписных билетов на посмертное собрание сочинений Пушкина. В числе четырех уездных училищ, подписавшихся на издание, было Алешковское (Ед. хр. 235-а, л. 6—11).

Примечания

¹ *Монтандон К. Г.* Путеводитель путешественника по Крыму... / Пер. с фр. Симферополь, 1997. С. 11.

² Государственный архив Автономной республики Крым (ГААРК). Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 116, л. 2. В дальнейшем ссылки на архивные документы этого фонда приводятся в тексте с указанием номера дела и листа.

³ «Положением» Св. Синода 1804 г. церковнослужители обязаны были принимать на себя обязанности по устройению приходских школ и преподаванию в них.

⁴ Народное образование Таврической губернии было в ведении Харьковского университета. К Одесскому учебному округу Крым отошел по «Положению об учебных округах» 1835 г.

⁵ *Монтандон К. Г.* Путеводитель путешественника по Крыму... С. 11.

⁶ Тенденция к сословным ограничениям существенно проявилась к концу царствования Александра I и окончательно утвердилась при Николае II. Уставом 1828 г. реформировано обучение в приходских и уездных училищах, программы которых теперь имели «завершающий» смысл: ученики должны были получать то образование, которое соответствовало их общественному состоянию, «коему они при рождении своем назначены Всевышним Промыслом».

⁷ Учитель нижнего отделения Алешковского училища Жуков Тимофей Фомич, 35 лет, из обер-офицерских детей (Ед. хр. 114, л. 206).

⁸ *Князьков С. А., Сербов Н. И.* Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910. С. 197.

⁹ Там же.

¹⁰ Частные пожертвования поддерживали училища, но они не могли быть системными. Так, помещик Мелитопольского уезда Гранобарский Евдоким Павлович подарил в 1811 г. открывающемуся Ореховскому уездному училищу дом (проданный позднее за 1 тыс. рублей, причем деньги пошли на благотворительные цели), а 14 июня 1814 г. отдал училищу другой дом, оцененный в 5 тыс. рублей, оплатил пристройку к учительскому дому (1158 руб.) и построил в училищном дворе сарай (235 руб.). На содержание в училище двух беднейших учеников с 1811 по 1819 г. он выделял по 200 руб. ежегодно, а в 1820—1822 гг. — по 300 руб. Е. П. Гранобарский жертвовал деньги на покупку учебников, географических карт, на награждение учащихся. На его средства было открыто (15 августа 1820 г.) Балковское приходское училище (Ед. хр. 114, л. 13—13 об.). Но после 1822 г. по-

жертвования от Гранобарского, похоже, прекратились, так что в 1825 г. смотритель Ореховского училища докладывал губернскому учебному начальству, что «благотворительной суммы в сем году не поступало», а потому училище не может выписать «Украинский журнал» и «Русский инвалид» (Там же, л. 41—42). В марте 1825 г. учителям выдали деньги за квартиру, дрова и свечи, которые государство задолжало еще в 1823 г. (Там же, л. 49). Потребовалось особое согласие министра народного просвещения на погашение в 1820 г. более чем годичного долга в 81 руб. 25 коп. учителю математических наук Кузьминскому за преподавание в училище по совместительству Закона Божия (Там же, л. 51).

¹¹ *Вигель Ф. Ф.* Записки // Русский архив. 1892. № 3. С. 203.

Рольф-Дитрих Кайль

(Бонн, Германия)

«КАК САДИ НЕКОГДА СКАЗАЛ...»

(Из наблюдений над «ориентализмом» А. С. Пушкина)

Когда в связи с Пушкиным звучит имя персидского поэта Саади, оно сразу же ассоциируется с эпиграфом к поэме «Бахчисарайский фонтан»: «Многие, так же как и я, посещали сей фонтан: но иных уже нет, другие странствуют далече. Саади». Как известно, Пушкин еще несколько раз возвращался к этой цитате. Так, она фигурирует в черновом варианте известного стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» 1829 г. — «Иные далеко, иных уж в мире нет» (между прочим, без указания на Саади). Через год, в болдинскую осень, цитата принимает самую краткую, сжатую форму в последней строфе «Онегина»:

Иных уж нет, а те далече —

с указанием источника: «Как Сади некогда сказал».

Кроме того, Пушкин несколько раз упоминал эту же цитату в письмах и прозаических текстах, всегда в той же форме и функции, что и эпиграф к «Бахчисарайскому фонтану». Первое такое упоминание встречается в письме Вяземскому, написанном 14 октября 1823 г. из Одессы. Там читаем: «„Бахчисарайский фонтан“, между нами, дрянь, но эпиграф его прелесть» (XIII, 70). Тот же эпиграф вскользь упоминается в письме Бестужеву от 8 февраля 1824 г. Шестью годами позже, в Болдине, Пушкин начал писать обзор критических отзывов о своих произведениях на протязении всей литературной деятельности. Обзор этот не закончен и только частично опубликован. В новых изданиях он печатается под заглавием «<Опровержение на критики>». Там Пушкин сообщает, между прочим, что «Бахч<исарайский> Фонт<ан> в рукописи назван был „Гаремом“, но меланхолический эпиграф (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня» (XI, 159). И это сообщение дословно повторяется в напечатанной в 1831 г. статье

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ФОНД РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГУМАНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ
«МОСКВА—КРЫМ»

ПУШКИН И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Материалы шестой Международной конференции

Крым, 27 мая—1 июня 2002 г.

Санкт-Петербург,
Симферополь,
2003